

— Мне правда можно в этом идти?

Шэнь Цзя в очередной раз осмотрел свою одежду. Машина ещё даже не тронулась с места, а на его лбу от волнения уже выступила испарина.

— Конечно, учитель Шэнь. Тебе всё к лицу.

Чжоу Цзыфэй заметил, что его спутник опять забыл пристегнуться, и с лёгкой улыбкой подался вперёд.

— Малыш, мы просто перекусим и немного поболтаем. Не переживай, я никому не дам тебя в обиду.

Шэнь Цзя уловил тонкий шлейф его парфюма. Пальцы судорожно прижались к швам брюк: к этой внезапной близости он всё ещё никак не мог привыкнуть.

А услышав слово «обиду», он и вовсе испуганно ахнул.

В голове тут же ярко нарисовалась жуткая картина: хмурые, мрачные родители Чжоу Цзыфэя сидят в гостиной, а его старшая сестра смеривает его ледяным, пренебрежительным взглядом.

Ему уже приходилось проходить через подобное.

Когда-то перед свадьбой с Юй Сянханом он пришёл знакомиться с его родителями, и те отнеслись к нему с беспредельным презрением. В тот день его часами осыпали упрёками с ног до головы. Воспоминания о той поездке до сих пор отзывались в душе тяжёлым, нестираемым шрамом.

И хотя позже Юй Сянхан оборвал все связи с семьёй, Шэнь Цзя так и не смог забыть его усталый, укоризненный взгляд после той встречи.

«Я ведь отрёкся от родных ради тебя. Ты уж постарайся, цени это», — эта фраза, сказанная тогда Юй Сянханом, годами давила на Шэнь Цзя неподъёмным грузом ответственности.

— Да не бери в голову. Раз уж я от тебя без ума, то и мои родные тебя обязательно полюбят.

Чжоу Цзыфэй защёлкнул ремень безопасности и уверенно погладил Шэнь Цзя по мягким волосам.

Шэнь Цзя встретился с ним взглядом, с минуту помешкал, но всё же с нерешительностью спросил:

— А если... если я им всё-таки не понравлюсь? Что мне тогда делать, чтобы...

Не успел он договорить, как Чжоу Цзыфэй чуть приподнял подбородок и нежно поцеловал его в наморщенную от тревоги бровь.

Он слегка сжал пальцами мягкую щёку Шэнь Цзя и шутливо произнёс:

— Малыш, мы ведь только начали встречаться. С чего вдруг такая спешка понравиться моим родным? Неужели тебе так не терпится выйти за меня замуж?

— Ч-что за глупости... Я вовсе не это имел в виду!

Лицо Шэнь Цзя вспыхнуло. Смущённый и досадающий, он попытался оттолкнуть мужчину.

Чжоу Цзыфэй с иронией изогнул бровь:

— Ну а что тогда?

И, не давая опомниться, сгреб его в охапку. Шэнь Цзя немного попытался вырваться, но крепкие объятия не разомкнулись, а ладонь Цзыфэя плавно скользнула с затылка вдоль по позвоночнику.

Это движение — мягкое, усыпляющее, словно ласкающее против шерсти напуганного котёнка, — заставило Шэнь Цзя постепенно обмякнуть и затихнуть на груди у мужчины.

— Учитель Шэнь, я сам тебя ещё не успел избаловать как следует. С какой стати я позволю кому-то ранить твоё сердце?

— Для меня ты — драгоценность, которую нужно беречь, на руках носить да пылинки сдувать. Так что даже не думай лезть из кожи вон, угождая кому-то.

— Как они к тебе отнесутся — это моя забота, и только моя. Тебя это вообще не должно волновать.

Низкий, бархатистый голос Чжоу Цзыфэя звучал над самым ухом. Его объятия всегда были такими надёжными и тёплыми, даря чувство полного покоя.

Шэнь Цзя уткнулся носом в мягкий воротник его свитера. От тепла чужой кожи на шее глаза снова застлали невольные слёзы.

— Так нельзя... Ты не должен решать всё в одиночку.

Шэнь Цзя тихонько сжал пальцами край его свитера.

Чжоу Цзыфэй молча обнимал его ещё некоторое время, а затем бережно вызволил из своих объятий, положил ладони ему на плечи и серьёзно посмотрел прямо в глаза.

— Учитель Шэнь, ты со мной для того, чтобы радоваться и ощущать, как тебя любят. Если рядом со мной у тебя появится больше поводов для тревог, чем раньше, значит, я паршивый возлюбленный.

— И все эти заботы я обязан взять на себя, потому что это мой долг.

Шэнь Цзя ошеломлённо смотрел на него. Солнечный свет, проникавший через лобовое стекло, озарял зрачки Чжоу Цзыфэя: тёмная радужка преломляла лучи, отливая мягким янтарно-каштановым оттенком, вобравшим в себя всё тепло погожего осеннего дня.

— Но... ты же сам раньше говорил, что если будешь постоянно прятать меня от всего мира, это тоже будет проявлением незрелости и неответственности?

Услышав это, Чжоу Цзыфэй мягко улыбнулся. Строгость в его взгляде растаяла, уступив место глубокой нежности, заполнявшей обычно резкие черты его лица.

— Верно. Но то касалось жизни вообще, за пределами наших отношений.

— А теперь мы — пара...

Чжоу Цзыфэй взял тонкую ладонь Шэнь Цзя и прижался губами к тыльной стороне кисти.

— И в этих отношениях я хочу быть тем, кто закрывает тебя от любой бури.

Шэнь Цзя хотел сказать что-то в ответ, но понял, что кроме как сжать в ответ его пальцы, он не способен вымолвить ни слова. В горле встал подступающий комок, перехватив дыхание.

— Ну всё, всё, вижу, как мой малыш растрогался.

Чжоу Цзыфэй со смешком снова привлёк его к себе, погладил по затылку, поцеловал в кончик уха и отпустил только тогда, когда дрожь в плечах Шэнь Цзя полностью утихла.

— Пора ехать. Не бойся, всё будет хорошо.

Суставом указательного пальца Чжоу Цзыфэй осторожно смахнул слезинку с его века, но Шэнь Цзя никак не хотел выпускать из своей руки эту тёплую, сильную ладонь.

Лишь после того как Чжоу Цзыфэй подался ближе и долгим, пьянящим поцелуем прижал его к спинке кресла, Шэнь Цзя, тяжело дыша, наконец разжал пальцы.

С пылающими щеками и влажным блеском в глазах он откинулся на сиденье, время от времени незаметно облизывая горячие губы. Всю дорогу он украдкой косился на Чжоу Цзыфэя — так, словно пытался удостовериться, что этот человек действительно рядом с ним.

Чжоу Цзыфэй прекрасно всё понимал: на каждом светофоре он на пару мгновений перехватывал ладонь Шэнь Цзя и улыбался, глядя на его чуть припухшие губы.

В этой улыбке сквозило такое озорное, горделивое лукавство, что Шэнь Цзя и сам чувствовал, как на душе становится светло.

Стоило загореться красному сигналу, как он послушно протягивал руку к колену Цзыфэя, позволяя крепко сжать свои пальцы.

А когда включался зелёный, в его взгляде невольно появлялась лёгкая досада. Шэнь Цзя с тоской смотрел на изящные пальцы, возвращавшиеся на руль, и про себя мечтал, чтобы следующий красный свет горел как можно дольше.

Когда они, не в силах оторваться друг от друга, наконец добрались до дома семьи Чжоу, старшая сестра Чжоу Цзыфэя уже готова была рвать и метать от ожидания.

— Чжоу Цзыфэй! Ты что, решил покатать его по всему городу? Почему вы только сейчас приехали?!

Едва Шэнь Цзя ступил на землю, как перед ним предстала знакомая женщина. Даже её голос показался ему до боли знакомым.

— Вы... — только и успел изумлённо выдохнуть он.

Чжоу Цзыхуань перевела на него взгляд.

Её лицо не слишком походило на лицо брата — разве что тот же резкий, выразительный разлёт бровей и пронизательный разрез глаз выдавали их близкое родство. Неудивительно, что в день соревнований, когда она была в солнцезащитных очках, он не распознал в ней родственницу Цзыфэя.

— Здравствуйте, учитель Шэнь. Я Чжоу Цзыхуань, сестра Цзыфэя и мама Цзяи, — на её лице проступила едва заметная улыбка, и она первой протянула руку. — Цзяи бывает ужасным

озорником, спасибо, что так заботитесь о нём. А что до Цзыфэя... На соревнованиях он повёл себя немного бесцеремонно, надеюсь, он вас не напугал?

Шэнь Цзя торопливо пожал её ладонь и спешно ответил:

— Что вы, несколько! И-и — очень послушный и милый мальчик. А Цзыфэй... то есть, господин Чжоу... он вовсе меня не напугал...

Чем дальше он говорил, тем больше путался и краснел. Он и подумать не мог, что Чжоу Цзяхуань, выглядевшая такой неприступной и холодной, окажется настолько приветливой.

— Я вообще-то тоже послушный! Почему учитель Шэнь хвалит только Чжоу Цзяи, а меня нет?

Чжоу Цзыфэй тут же бесцеремонно обнял Шэнь Цзя за плечи, высвобождая его руку из рукопожатия, и капризно уткнулся подбородком ему в макушку.

— Ты? Послушный? — Чжоу Цзыхуань смерила брата насмешливым взглядом и, взяв Шэнь Цзя за руку, потянула за собой к дому. — Тебе сколько лет, чтобы виснуть на учителе Шэне? А ну отлепись от человека! Учитель Шэнь, проходите скорее, обед уже остывает.

Шэнь Цзя, ведомый Чжоу Цзыхуань, растерянно оглянулся на Чжоу Цзыфэя. Тот лишь беззвучно одними губами шепнул: «Всё в порядке», — и широким шагом последовал за ними.

Все трое вошли в дом. Проходя по роскошно убранной вилле, Шэнь Цзя чувствовал себя не в своей тарелке. Чжоу Цзяхуань, проявив чуткость, сразу же позвала сына.

Едва увидев подпрыгивающего от радости Чжоу Цзяи, Шэнь Цзя просветлел и мягко улыбнулся. За разговором с мальчиком неловкость быстро улетучилась.

Обед прошёл в шумной и оживлённой обстановке.

Чжоу Цзыфэй уселся под боком у Шэнь Цзя и непрестанно подкладывал ему самые вкусные кусочки. Шэнь Цзя, смущаясь присутствия сестры, попытался было его остановить, но Цзыфэй без тени смущения заявил:

— А что такого? Я забочусь о своём парне. Сестра у нас уже в возрасте, видела всё на свете, её этим не удивишь.

За это Чжоу Цзыхуань не упустила случая отплатить ему язвительными колкостями, проходясь по всему — от его причёски до стиля одежды. Шэнь Цзя от этой словесной перепалки сидел словно на иголках.

Впрочем, к самому Шэнь Цзя она относилась с неизменным теплом и вниманием.

— Учитель Шэнь, вы такой худенький, вам нужно больше есть, — Чжоу Цзыхуань общими палочками положила в его пиалу сочную куриную ножку.

Это вызвало бурный протест у Чжоу Цзяи:

— Мама! Не надо класть учителю Шэню ножки, он любит только крылышки!

Каждый день обедая с Шэнь Цзя в детском саду, малыш успел досконально изучить все его вкусовые привычки.

— Раз так умничаешь, сам бы и ухаживал за учителем, а не думал только о своей тарелке. Где твоё уважение к старшим? — тут же перевела стрелки Чжоу Цзыхуань.

В итоге все трое членов семьи Чжоу наперегонки принялись подкладывать Шэнь Цзя еду, да так усердно, что к концу обеда он наелся до отвала и едва сдерживал сытую икоту.

— Малыш, животу не больно?

После обеда Чжоу Цзыфэй повёл Шэнь Цзя прогуляться по саду, чтобы переварить съеденное. Он осторожно прикоснулся к его животу — мягкому и куда более округлому, чем обычно. Шэнь Цзя сейчас напоминал ему объевшуюся кошку: этот выпуклый животик так и хотелось погладить.

Однако, замечая, как Шэнь Цзя время от времени прикрывает ладонью губы, издавая тихие звуки икоты, Цзыфэй почувствовал беспокойство.

— Пойду принесу таблетки для пищеварения. У Цзяи вечно несварение от переедания, так что они у нас всегда под рукой.

Он уже повернулся, чтобы идти в дом, но Шэнь Цзя удержал его за руку.

— Не надо... Скоро всё... — он не успел договорить, как из груди вырвался глухой щелчок икоты, — отпустит.

Чжоу Цзыфэй едва удержался от смеха. С трудом сохраняя серьёзную мину, он взял ладонь Шэнь Цзя и стал мягко массировать акупунктурные точки на кисти, снимая тяжесть в желудке.

— Хорошо, тогда просто походим. Смотри под ноги, малыш.

Слушая его заботливые речи и чувствуя, как одна рука Цзыфэя бережно подпирает его поясницу, а другая лёгкими движениями поглаживает живот, Шэнь Цзя ощутил странный укол неловкости.

— Ты... ты что, обращаешься со мной как с беременным? — не выдержал он и с лёгким раздражением посмотрел на Цзыфэя.

— А разве нет? Животик вон какой круглый, словно там внутри зреют сразу несколько малюток: тушёное крылышко, капуста да яичница, — с абсолютно серьёзным видом протараторил Чжоу Цзыфэй.

Шэнь Цзя вспыхнул от ушей до пят и уже собрался возразить, как у входа в сад возникла фигура.

Там стояла Чжоу Цзыхуань, внимательно наблюдая за ними. Похоже, она хотела поговорить.

Шэнь Цзя тут же отпихнул руку Цзыфэя и выпрямился. Чжоу Цзыфэй, недовольный тем, что его так бесцеремонно отвергли, слегка ущипнул его за шею.

— Учитель Шэнь, вы не против поговорить наедине? — мягко спросила Чжоу Цзыхуань. В её взгляде не было ни капли враждебности — лишь спокойное доброжелательство.

Шэнь Цзя обомлел и уже хотел согласиться, но Цзыфэй опередил его:

— Сестра, зачем наедине? Разве нельзя поговорить прямо здесь?

— А ты бы не лез во все щели! Липнешь к учителю Шэню, как липучка. Если тебе ещё не надоело, то ему от тебя точно уже тошно, — мгновенно парировала Чжоу Цзыхуань, явно помня его обеденные колкости про её возраст.

— Тошно? Да учитель Шэнь ни за что...

— Ц-Цзыфэй, всё в порядке. Я с радостью поговорю с госпожой Чжоу, — перебил его Шэнь Цзя. Заметив обиженный, печальный взгляд мужчины, он густо покраснел и поспешно отвернулся, делая вид, что ничего не заметил.

Попрощавшись с недовольным Чжоу Цзыфэем, Шэнь Цзя вместе с Чжоу Цзыхуань поднялся в

кабинет на втором этаже.

Комната была просторной, с огромным книжным шкафом во всю стену, доверху забитым книгами и пухлыми папками с документами. Шэнь Цзя лишь мельком скользнул по ним взглядом и тут же отвёл глаза.

— Наш отец и мама постоянно заняты бизнесом и редко бывают дома, так что сегодня здесь только я. Вы можете не волноваться, учитель Шэнь, — произнесла Чжоу Цзяхуань, думая, что он всё ещё нервничает.

— Что вы, я вовсе не волнуюсь. Скорее, жаль, что мне не удалось засвидетельствовать своё почтение вашим родителям, — Шэнь Цзя осторожничал в каждом слове, панически боясь произвести дурное впечатление на близких Цзыфэя.

— Учитель Шэнь, вы слишком скромны. Не стоит так переживать, вы мне правда очень симпатичны. А поговорить наедине я хотела только потому, что не желала, чтобы этот баламут Чжоу Цзыфэй портил нам всю атмосферу.

Она озорно подмигнула, и Шэнь Цзя невольно улыбнулся.

Видя, что он наконец расслабился, Чжоу Цзяхуань подошла к шкафу и достала два фотоальбома.

— Учитель Шэнь, не хотите взглянуть на детские фотографии Цзыфэя? В юности он выглядел совершенно иначе.

Она с мягкой улыбкой протянула ему альбомы, открыла тот, что держала в руках, и показала совместное фото с университетского выпуска Цзыфэя.

У Чжоу Цзяхуань действительно не было намерения устраивать Шэнь Цзя допрос с пристрастием. Ей просто хотелось получше узнать будущего «зятя», а заодно слегка помочь своему упрямому братцу.

— Этот альбом — с его университетских пор, там он почти такой же, как сейчас. А вот в том, что у вас в руках, кажется, есть кадры, где ему лет четырнадцать-пятнадцать.

Чжоу Цзяхуань привычным движением листала страницы. Вот мелькнул Чжоу Цзыфэй в средней школе — видно было, что этот альбом она перелистывала не один десяток раз.

— Э-это... действительно он? — Шэнь Цзя не верил своим глазам, глядя на снимок.

С фотографии на него смотрел худощавый, щуплый мальчишка с коротко остриженным

ёжиком волос. Перед камерой он лишь робости уставился в землю, выглядя замкнутым и молчаливым.

Ничего общего с сегодняшним статным, дерзким и ярко-красным Чжоу Цзыфэем.

— Да, таким он был до поступления в старшую школу, — Чжоу Цзяхуань кончиком пальца шутливо щёлкнула по лбу мальчика на снимке, словно давая ему виртуальный щелбан через годы. — Когда он родился, семейный бизнес как раз переживал бурный рост. Родителям было не до него, я училась в другом городе и виделась с ним крайне редко. Я даже не заметила, когда именно он стал таким: перестал общаться с людьми и превратился в угрюмого, недокормленного заморыша.

У Шэнь Цзя сжалось в груди от щемящей тоски. Он опустил взгляд, всматриваясь в парня на фото, чужого и совершенно незнакомого, и вдруг почувствовал, что совсем не знает Чжоу Цзыфэя.

Он не знал его прошлого, не знал его вкусов, не знал, о чём тот думал и из-за чего когда-то плакал или радовался.

Чжоу Цзыфэй возник в его жизни словно небесный спаситель, вытащивший его из пропасти, но о том, какой путь прошёл сам этот спаситель, Шэнь Цзя не имел ни малейшего представления.

— Учитель Шэнь, Цзыфэй когда-нибудь рассказывал вам, как его чуть не похитили в детстве? — внезапно сменила тему Чжоу Цзяхуань.

Шэнь Цзя вынырнул из своих печальных мыслей и кивнул.

— А знаете, что он сказал нам потом? Он признался, что тогда, во время похищения, подумал: «Как хорошо, что меня украли. Теперь меня хотя бы ищут, и я больше не чувствую себя никому не нужным».

Чжоу Цзяхуань вздохнула, и в её глазах, так похожих на глаза Цзыфэя, промелькнула глубокая самоукоризна.

— Это наша вина — и моя, и родителей. Мы не знали, что над ним издеваются в школе, а домашняя сиделка ворует деньги и бросает его одного, кое-как состряпав обед. Ему было ужасно одиноко.

«Человек, долго живущий в таком состоянии, постепенно теряет связь с внешним миром...» — мысленно отозвался Шэнь Цзя.

И словно эхом его мыслей, Чжоу Цзяхуань произнесла:

— Ему казалось, что у него нет ничего общего с этой реальностью, будто он — невидимка. Поэтому в тот дождливый день, когда его похитили, он даже не надеялся, что кто-то придёт на помощь. Он уже смирился с тем, что вернётся калекой.

Она сделала шаг ближе и пристально посмотрела на Шэнь Цзя, словно последующие слова имели решающее значение.

— Но произошло невероятное: кто-то действительно появился. Человек в белой футболке, с пятном красной краски на груди, приехал на стареньком мотоцикле с надписью «Авторемонт». Он был худым, слабым на вид, но прямо на этом дырчике врезался в банду похитителей и спас моего брата.

Чжоу Цзяхуань сделала паузу, внимательно следя за реакцией Шэнь Цзя. Заметив, как тот с замиранием сердца спросил: «А что было дальше?», — она сначала опешила, а затем мягко улыбнулась и снова отступила на шаг.

— А дальше мой брат выкарабкался. И понял, что всё-таки связан с этим миром. По крайней мере, тот парень вытащил его из небытия обратно в реальность. С тех пор Цзыфэй стал меняться: он страстно захотел стать лучше, чтобы не предавать того, кто рисковал ради него жизнью.

Шэнь Цзя смутно почувствовал, что за этими словами кроется нечто большее, но Чжоу Цзяхуань подвела итог и не стала углубляться.

Глядя на снимок щуплого мальчика, понурившего голову, Шэнь Цзя невольно задавался вопросом: как же Чжоу Цзыфэй сумел перековать себя? Что давало ему силы превратиться в того ослепительного гонщика, которым он стал?

Он-то думал, что Цзыфэй рос баловнем судьбы в золотой клетке, а оказалось, что юность его была такой же непроглядной и тёмной, как и его собственная.

В эту минуту Шэнь Цзя впервые ощутил к Чжоу Цзыфэю не просто благодарность, а жгучее, всепоглощающее любопытство.

Ему захотелось узнать всё о его прошлом. Узнать каждый шаг, который тот сделал до их встречи.

— Вообще-то мой брат — невероятно упрямый человек. Наливной и упёртый до безумия. Если он что-то вбил себе в голову, то хоть бей его, хоть ругай — уговоры не помогут, — словно с сожалением вздохнула Чжоу Цзяхуань.

Она поглядела на погрузившегося в раздумья Шэнь Цзя, и в её голове всплыл невольный вопрос: если бы учитель Шэнь узнал, до какой безумной одержимости доходил Цзыфэй,

разыскивая его целый год, принял бы он его?

Ей просто хотелось проверить. Ещё раз убедиться, что Шэнь Цзя — действительно тот самый «единственный и незаменимый», о котором говорил её брат.

— Учитель Шэнь, Цзыфэй пошёл в гонщики только потому, что ему нравился сам процесс погони. Ему нравилось... мчаться за недостижимой целью, идущей впереди. На трассе его взгляд всегда прикован лишь к одной мишени. И как бы ни было опасно, пусть даже силы будут на исходе, он будет мчаться за ней любой ценой. Даже если всю гонку он так и не сумеет приблизиться к этой цели, он всё равно не выпустит руль из рук.

Взгляд Чжоу Цзяхуань затуманился грустью.

— Я однажды спросила его: «А что, если ты никогда её не догонишь?» И знаете, что он ответил? «Если догоню — это моё счастье. А если нет — никого винить не стану. Значит, не судьба. Но пройти этот путь — уже достаточно. Я благодарен и за это».

Она повернулась к окну и тихо, будто про себя, прошептала:

— Учитель Шэнь, как вы думаете, хорошо это для него или плохо? И... что вы сами об этом думаете?

Даже сегодня Чжоу Цзяхуань в мельчайших деталях помнила то безумие, в которое погрузился её брат, когда искал Шэнь Цзя.

Тогда измождённый, бледный Цзыфэй твердил ей: «Он — моя единственная нить, связывающая меня с этим миром. Если я не найду его, мне незачем жить».

Но огромный мегаполис, тысячи автомастерских, сотни старых мотоциклов... Сколько бы пришлось искать?

А если не найдёт? Если тот человек уехал из города? Если его... вообще больше нет в живых?!

Чжоу Цзяхуань твердила ему эти вопросы снова и снова, а Цзыфэй лишь смотрел на неё прозрачным взглядом и ровно отвечал: «Значит, буду искать всю жизнь. Пока не сдохну».

Искать всю жизнь. Пока не умрёт.

Тогда ей казалось, что брат окончательно сошёл с ума.

Искать мужчину в белой футболке с пятном красной краски на груди, на стареньком

мотоцикле с надписью «Авторемонт». Искать его до самого последнего вздоха.

Отречься от родителей, от сестры, бросить учёбу — и поставить всё своё существование в зависимость от какого-то незнакомца!

В тот день Чжоу Цзяхуань впервые разрыдалась перед братом. Она обняла его и сквозь слёзы молила одуматься.

Но Цзыфэй прижал её к себе и с мокрыми от слёз глазами прошептал: «Сестра, я просто хочу найти его. Знаю, ты не согласишься, но с того самого дня, как он появился, я понял: любить его — это моё предназначение».

Слова о любви из уст пятнадцатилетнего мальчишки казались абсурдом.

Но Цзыфэй сдержал слово.

Сначала он, словно ища иголку в стоге сена, всё-таки отыскал Шэнь Цзя. А затем изменился до неузнаваемости.

«Пусть он женат, и я не могу открыто ухаживать за ним... Но, возможно, настанет день, когда я стану ему нужен. И тогда я должен предстать перед ним в лучшей своей форме».

И Цзыфэй шаг за шагом становился красивым, высоким, ослепительным. Но при этом был готов верной тенью следовать за Шэнь Цзя, словно преданный рыцарь, застывший в тёмном углу в ожидании взгляда своего господина.

Он устроил Шэнь Цзя на работу, подстроил покупку квартиры, даже к карьере бывшего мужа Шэнь Цзя приложил руку.

И вот теперь Цзыфэй действительно привёл Шэнь Цзя к ней. Привёл как своего возлюбленного.

Чжоу Цзяхуань невольно горько ухмыльнулась: наверное, у некоторых людей в этом мире и впрямь есть только одно предназначение — любить определённого человека.

Шэнь Цзя долго молчал, переваривая услышанное.

Он медленно перевернул раскрытый альбом обратно к первой странице и бережно провёл пальцем по фотографии, где Цзыфэй лежал ещё совсем крошечным младенцем.

Вокруг маленькой больничной кровати кучковались люди с улыбающимися лицами, а внизу

каллиграфическим почерком стояла дата рождения.

В тот год Шэнь Цзя исполнилось десять лет — аккуратно в то время, когда его родители, Шэнь Цяньлун и Лу Хэ, со скандалом разводились.

Оказывается, когда он сам, будучи ребёнком, переживал крушение своего мира и терял любовь близких, в другом конце страны родился тот, кто спустя двадцать лет подарит ему бесконечное множество тёплых объятий.

— Госпожа Чжоу, мне трудно сказать, хорошо это или плохо, — тихо, но твёрдо заговорил Шэнь Цзя, подняв глаза. — Для Цзыфэя это был путь к собственному счастью. Сам процесс погони дарил ему смысл. Разве он сам не сказал? Если догонит — счастье, если нет — никого не станет винить. Так что неважно, хорошо это или плохо с точки зрения других и что думаю я. Главное — он уже получил то, к чему стремилась его душа.

Шэнь Цзя искренне посмотрел на Чжоу Цзяхуань:

— Цзыфэй всегда повторяет мне: главное — чтобы я был счастлив. Поэтому, если вы спросите меня, я отвечу точно так же: главное — чтобы был счастлив Цзыфэй.

Чжоу Цзяхуань долго и пристально всматривалась в его лицо. На мгновение в её глазах блеснули слёзы, но она быстро отвернулась, моргнув, и смахнула их.

— К счастью, Цзыфэя нет рядом. Услышь он эти слова, от радости не уснул бы всю ночь, — с лёгким смешком произнесла она и, аккуратно сложив альбомы, вернула их на полку. — Не принимайте мои слова близко к сердцу, учитель Шэнь. Я просто делилась воспоминаниями. Тот этап, когда я могла быть против ваших отношений, давно остался в прошлом.

— Что?.. — Шэнь Цзя недоуменно моргнул.

— И ещё, учитель Шэнь... Научитесь говорить ему «нет», когда это нужно. Этот паршивец слишком долго о вас мечтал, так что дурных мыслей в его голове предостаточно.

Чжоу Цзяхуань направилась к выходу и повернулась, ожидая, пока он пойдёт за ней.

Шэнь Цзя окончательно запутался и не совсем понял её последнюю напутственную фразу. Заметив, что сестра Цзыфэя уже открыла дверь, он поспешно положил альбом на стол и последовал за ней.

Голоса выходящих людей постепенно затихли в коридоре. В открытое окно кабинета ворвался свежий порыв осеннего ветра.

Оставленный на столе альбом зашуршал страницами. Ветер перелистывал их всё быстрее и быстрее, пока не остановил на одном из снимков.

С фотографии смотрел Шэнь Цзя в белом свадебном костюме, стоящий подле ведущего церемонии. На его лице играла мягкая, светлая улыбка, глаза чуть прищурились — прекрасный, невероятно трогательный... Но в кадр попала лишь половина его фигуры: похоже, тот, кто снимал, панически боялся быть замеченным и сделал кадр украдкой.

Страницы снова пришли в движение, мелькая одна за другой:

Вот Шэнь Цзя, наклонившись, ласково разговаривает с малышом в детском саду...

Вот Шэнь Цзя в супермаркете, задумчиво выбирает овощи...

Вот Шэнь Цзя стоит у края дороги, ожидая зелёного сигнала светофора...

Вторая половина альбома была целиком и полностью заполнена снимками Шэнь Цзя.

Шесть лет его жизни — с двадцати шести до тридцати двух лет.

Никаких случайных встреч не бывает. Всякая случайность — это чья-то давняя, выверенная до мелочей мечта.

<http://bllate.org/book/19971/1985945>